

* * *

И. В. БОРИСОВ

**РОЛЬ Е. И. КАМЕНЦЕВОЙ В ВОСПИТАНИИ
СТУДЕНТОВ**

Когда-то в своей краткой биографической справке для словаря "Кто есть кто в геральдике" (см. "Геральдические ведомости" № 195 г., стр. 5) я уже упоминал о Елене Ивановне Каменцевой и ее вкладе на мое формирование как ученого. До поступления в институт мне нравились многие вспомогательные исторические дисциплины - вузизматика, бонистика, фалеристика и др. (несмотря на то, что я даже не подозревал об их столь высоком научном предназначении). Как и для любого дилетанта это были лишь красивые предметы, объект коллекционирования. Осознание их как научного предназначения пришло гораздо позднее, на кафедре вспомогательных исторических дисциплин. Видимо, во мне от рождения была некая склонность к источниковедению; ибо листая сейчас студенческие сочинения, я вновь и вновь с удовольствием перечитываю их страницы, возвращаясь в тот незабываемый мир познаний и открытий, мир библиотек и архивов. Как в старом кино мелькают названия моих курсовых образца середины 60-х годов: "Наркомпрос во главе научных учреждений в первые годы Советской власти", "Государственный архив XVI века", "Письма и дневники офицеров и солдат о последних днях Великой Отечественной войны 1941-45 гг." и другие (из тех, конечно, что сохранились в домашней библиотеке).

Но, безусловно, главную и существенную роль в моем формировании сыграла Елена Ивановна Каменцева. По своему характеру я очень гудекающийся и разбрасывающийся во все стороны человек. Мне всегда было интересно все (пожалуй, это в какой-то степени сохранилось и сейчас). Елена Ивановна, подметив мой интерес ко всему, что

несет на себе эмблему, стала этот интерес развивать строго в научном направлении, предложив подготовить курсовую работу под названием "Медная монета второй половины XVIII столетия". Мне всегда казалось, что пишу я легко, образно, с выдумкой (что мне и говорили еще в школе). И вот, вдруг, на собственном тяжелейшем опыте, я узнал, что я ничего не умею. Надо было учиться писать по-научному, заново. Это открытие стало очень неожиданным ударом для меня — было ст чего опустить руки. Елена Ивановна, по-моему, тоже была в отчаянии и, видимо, начала весьма сожалеть, что к ней прибилась какой-то бесталанный студент. Она была жестка, безжалостна, бескомпромиссна, иногда даже жестока. Я учился писать заново так, как если бы начал снова зубрить азбуку и таблицу умножения. Мои "медные монеты" давались мне не малой, а большой кровью. При этом я отдавал себе отчет, что с точки зрения сохранения здоровья и спокойствия ей эти "деньги" было гораздо легче написать самой и не мучиться.

В конце концов работа была написана, доклад мой сделан, и вся логика событий показала, что нам надо разойтись подальше друг от друга. Однако, к моему великому недоумению, этого не произошло: я снова пришел на кафедру в архивную гордость нашего института, да и всей Москвы, — в так называемый Теремок (правильную палату Синодальной типографии в прошлом, ныне десятки лет стоящей пустой, заколоченной и разворованной). Мое изумление усилилось еще больше, когда я увидел милого мягкого интеллигентного преподавателя, очень дружески настроенного ко мне. Решился как-то сразу и вопрос с дипломом, при этом мне было сказано, что во мне что-то есть и это что-то — именно эмблематического характера, посему эти мои наклонности и надо развивать и продолжать. Диплом мой назывался "Памятные медали XIX — начала XX вв. как исторический источник". Как он писался и как мы работали вместе с Еленой Ивановной может рассказать роман, принадлежащий только перу М. Зощенко (это я теперь так считаю. Тогда-то я так не думал). Читая теперь некоторые из ее сохранившихся записок — рецензий-рекомендаций, я вдруг с удивлением вижу сейчас такие, теперь прекрасно знакомые фамилии, как Н. Амбодик, В. Белинский, А. Ларионов, В. Лукомский и т. д. Т. е. еще тогда, в конце 60-х — начале 70-х гг., когда даже профессиональные историки знали о геральдике понаслышке, Елена Ивановна вполне уверенно оперировала геральдическими познаниями, рекомендуя их впервые в такую специфическую область как медальерное дело. Так что благодаря ей я и прочел труды первых геральдистов. Это было первое осмысленное прикосновение к русской геральдике, тому, что потом стало делом моей научной работы и жизни. Случайно с дипломом познакомились С. О. Шмидт и М. Т. Белявский, которым он даже понравился (мы работали вместе в первом

Институте Общества охраны памятников истории и культуры г. Москвы. Одним словом, эмблематика все больше захватывала меня.

Приблизительно в это же время мне попались в руки две книги — брошюра профессора А. И. Ларионова "Марки Сергея Грузенберга" и какой-то подарочный том, увиденный мной в квартире В. Ленина в Кресте (наверное, это было нечто, приуроченное к двадцатилетию октября 1905 г.). В этих обеих книгах меня поразили художественно простые, емкие, но в то же время очень изящные эмблемы профсоюзов, где на очень малой плоскости художник виртуозно изображает и мастерски компокует разные предметы, присущие той или иной профессиональной деятельности человека. Так родилась идея кандидатской диссертации об эмблемах профсоюзов, с которой я, разумеется, пришел к Елене Ивановне. Когда-то, прощаясь со мной после окончания института, она сказала мне, что всегда готова помогать, если я вдруг захочу продолжать свое образование не только в области историко-наук, но и в области вспомогательных исторических дисциплин. К этому времени вышла ее замечательная работа "Основные проблемы советской эмблематики в 1970 году". Мои соображения по поводу профсоюзной эмблематики вполне ложились на общепологающие выводы Елены Ивановны. Начав собирать материал, глубже погружаясь в проблему и ее деталями, я к своему удивлению увидел, что подобная работа не может увидеть света: во-первых, потому, что обнаружилось очень мало эмблематического материала, и во-вторых, чтобы понять изображения в той или иной эмблеме, надо было объяснить его смысл, символику, а это уже геральдика. Поэтому в любой эмблематической проблеме человек обязательно придет к геральдике, как это сделал я. И только теперь, спустя двадцать с лишним лет, я позволил себе вернуться к профсоюзной, цеховой эмблематике и, конечно, только теперь работа, наверное, может получиться. Но для этого нужна была дорога и опыт в десятки лет.

Как-то на занятиях Елена Ивановна обмолвилась, что редкие эмблематические марки — это неизученное эмблематическое богатство. Меня никто не принуждал к изучению этого материала, но слова Е. И. Каменцевой глубоко запали в меня и в результате, потратив годы на изучение историографии и проблемы, я написал статью "Об изображениях на эмблематических марках ("Филателия", 1977 г., №№ 2 и 4). Это, на мой взгляд, одна из немногих статей, показывающих всю эмблематическую палитру русской филателии. И таких примеров немало. На кафедре, и особенно вокруг Елены Ивановны Каменцевой, всегда толпились интересные, неординарные люди, занимавшиеся самыми разными проблемами. Объяснение этому единственное — она специалист в уникальной области. Таких как она немного. Как-то недавно В. Н. Медведев, начальник отдела военной геральдики и символики Минис-

терства обороны РФ, сказал о геральдистах замечательную фразу – о том, что это люди "штучной выделки". Это совершенно правильно и полностью относится к нашему учителю Елене Ивановне Каменцевой, система знаний и преподавания которой уникальна, ювелирна.

Кто-то из читателей может заметить: "Вот, мол, Борисов, говорит о Е. И. Каменцевой, и себя не забывает". Но это неверно. Говоря о себе, я попытался показать, как из среднего студента, может быть и знающего что-то в каких-то областях, но не умеющего ни рассказать об этом внятно, ни тем более проанализировать материал и сделать правильные выводы, Е. И. Каменцева настойчиво, ежедневно, упорно работая с ним, доводит его до уровня специалиста. Именно поэтому, мы все с полным правом и можем назвать ее своим учителем, а она нас – своими учениками, которых у нее, по всем городам и весям бывшего СССР – множество. Пожелаем же ей все вместе долгих лет жизни и активной работы. Пусть годы, которые как известно, точат все, обломают здесь свои зубы.

* * *